

КОНФЕССИОНАЛЬНО-ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ У БУДДИСТОВ ШКОЛЫ КАРМА КАГЬЮ

М.И. Ясин¹

¹Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

¹117997, Россия, г. Москва, Стремянный пер., 36

E-mail: nadsaw@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается специфика мотивации российских буддистов традиции Карма Кагью, определяемая по методике И. Стойкович и Дж. Мирича. Буддизм Карма Кагью является традиционной школой тибетского буддизма, достаточно распространенного в современной России. В исследовании приняло участие 90 буддистов. Полученные результаты говорят о том, что у буддистов высокая внутренняя мотивация к практикам и изучению доктрины, отсутствует стремление соответствовать ожиданиям окружающих в плане своей религиозной принадлежности. Они не ожидают награды за «правильную» буддийскую жизнь. В их сознании буддизм не связан с традициями семьи и общества. Практика буддизма для его сторонников является источником эмоционального благополучия, идеалов и морали.

Ключевые слова: психология религии, религиозная мотивация, направленность мотивации, буддизм

Введение

Психологические исследования религиозности в настоящее время только набирают ход: волна роста интереса к проблеме в международном научном сообществе была отмечена в 90-е годы XX века. В России, по-прежнему, исследований на данную тему не так много [8], однако специалисты относят российское общество к проходящим «десекуляризацию», то есть таким, в которых число религиозных граждан увеличивается [6].

В особенности слабоизученными остаются религии-экспаты, которые исторически не являлись широко распространенными на территории государства и были привнесены в относительно недавнее время. Среди такого рода духовных учений у буддизма особое положение – имея более чем двух с половиной тысячелетнюю историю, появившийся на будущих российских территориях в

¹ Ясин Мирослав Иванович, кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии

VI-VII веках и признанный одной из государственных религий в 1764 году при Екатерине II [2], он приобрел основную массу своих современных последователей в конце XX века, когда буддистские учителя ламаистской традиции стали приезжать в Россию с запада. Так сформировались буддистские общины российских городов, открывающие буддистские центры и собирающие последователей среди современного городского населения, не имевшего в семейных традициях буддистских корней. Подавляющее большинство подобного рода общин представлено конвертитам – людьми, не наследующими религиозную традицию от семьи, но принявшими буддизм осознанно во взрослом возрасте.

В России буддизму следуют в его Тибетской ламаистской форме, тибетский же буддизм относится к направлениям Махаяны и Ваджраяны. Ваджраяна включает несколько школ, из которых на территории России представлены четыре: Гэлуг, Карма Кагью, Ньингма и Сакья [3].

Школа Карма Кагью возникла на территории Тибета в XI веке, ее историческим основоположником считается Первый Кармапа Дюсум Кхьенпа, «царь йогинов Тибета» и первый сознательно перерождающийся лама. На запад, в том числе в Россию, буддизм Карма Кагью пришел во второй половине XX века, благодаря работе Ламы Оле Нидала, первого западного учителя этой линии, которого на данную деятельность благословил Кармапа XVI Ранджунг Ригпе Дордже [2]. На сегодняшний день буддисты Карма Кагью – самая многочисленная община, имеющая в России порядка 80 центров, община которых составляет от нескольких десятков до тысяч последователей. В школах-общинах Карма Кагью исповедуется в своей традиционной форме [5].

Ключевое отличие буддизма от других религий заключается в том, что это учение нетеистическое, в нем не говорится о божестве-творце, божественно-законоположнике и судьбе. Для более точного определения буддизма часто используют термин религиозно-философское учение, таким образом отделяя его от религий как таковых.

1. Обзор литературы

Проблема религиозной мотивации поднималась в психологии начиная с книги У. Джеймса «Многообразие религиозного опыта», а четкую определенность впервые получила в работе Г. Олпорта «Индивид и его религия» [9]. Г. Олпорт выделял внешнюю и внутреннюю религиозную мотивацию. Внутренняя мотивация направлена на удовлетворение внутренней потребности контакта с трансцендентным, а внешняя состоит в следовании религиозным правилам и ритуалам, но имеет целью достичь чего-либо не связанного с духовностью, например получить одобрение со стороны окружающих. Мысль

Г. Олпорта была продолжена рядом исследователей. Т. Мартос и коллеги ввели термины «трансцендентная религиозная мотивация» и «нормативная религиозная мотивация» [14]. Авторы не противопоставляют эти два вида мотивов и говорят о том, что, действуя, как автономные, они во многом дополняют и поддерживают друг друга [12]. В теории самоопределения Р. Райна и Э. Дечи к внешним и внутренним мотивам были добавлены «внешние личные» – пришедшие извне, но сознательно принятые личностью как желательные и необходимые и «внешние социальные» – принятые личностью для получения одобрения окружающих [16]. В теории Р. Райна и Э. Дечи мотивы распределены по степени включенности в структуру личности – от полностью внутренних, до навязываемых личности извне. Авторы теории самоопределения утверждают, что только выбранная самостоятельно цель может приносить удовлетворение при ее достижении [17], что неоднократно было подтверждено в практических исследованиях религии. Р. Валлеран и Б. О'Коннор выяснили, что самоопределенная мотивация находится в позитивной связи с такими факторами, как удовлетворенность жизнью и высокая самооценка [16]. Т. Мартос и коллеги показали, что у верующих ощущение благополучия позитивно коррелирует с внутренней регуляцией, и отрицательно – с внешней [14]. А. Ассор и коллеги показали, что позитивная религиозность, гармонично встроенная в структуру личности и приносящая счастье, может быть сформирована только благодаря механизмам позитивной идентификации и поощрения, но навязанная методами принуждения, влиянием условной любви, вины и стыда, приводит только к возрастающим внутренним конфликтам [10]. Религиозность входит в ряд факторов, выявленных эмпирически, от которых зависит внутреннее благополучие [20].

Найринк и коллеги, работая в теоретическом контексте, заданном Олпортом, Райном и Дечи, установили, что внутренняя мотивация и внутренняя религиозность соответствуют друг другу, но внешняя религиозность не всегда связана с внешним мотивированием [15]. Человек, сосредоточенный на внешней, ритуальной стороне религии может иметь к этому внутреннюю мотивацию.

Кроме глубины интеграции, исследователи создавали системы, в которых религиозная мотивация рассматривалась качественно – в соответствии с целью и функциями в жизни человека. Д. Бэтсон ввел понятие поисковой религиозной ориентации. Согласно его концепции, религия является попыткой ответить на экзистенциальные вопросы бытия [11]. Это положение хорошо объясняет тот факт, что люди чаще обращаются к религии в периоды личностных кризисов, и современное явление перетекания людей из одной системы в другую. Созвучным является подход Р. Худа, который писал, что од-

ной из основных потребностей, привлекающих человека к религиозности, является потребность в смысле. В дополнение к ней он называет и второй мотиватор – потребность в контроле над ситуацией [13].

Более детально подошли к вопросу о религиозной мотивации И. Стойкович и Дж. Мирича [19]: они опирались на материалы многочисленных интервью с верующими и при помощи контент-анализа и факторизации выделили пять блоков религиозных мотивов. Во-первых, это блок «религия как высшая ценность», измеряющий направленность человека на поиск духовных смыслов, внутреннюю мотивацию к религиозной жизни. Во-вторых, шкала «стремление соответствовать социальным ожиданиям относительно религии». В этом случае религиозность формируется под влиянием социального окружения и ожиданий человеком оценки его действий, то есть, существует внешняя мотивация к религии. Далее в их конструкте религиозной мотивации появляется измерение «религиозность как средство исполнения желаний»: интервью показали, что многие люди при помощи религии пытаются достичь целей, которые другими средствами считают невыполнимыми, или считают, что правильная, с точки зрения доктрины, жизнь поможет исполнить их желания. Далее авторы указывают, что многие люди рассматривают религию как часть традиции – национальной или семейной, для них оказывается важным «держаться корней», и в этом им помогает религиозность. Пятой составляющей мотивации И. Стойкович и Дж. Мирич называют «поиск эмоционального благополучия», основы идеалов и морали. Люди с этим преобладающим мотивационным типом видят религию, прежде всего, как основу душевного благополучия, а также как источник нормативных правил в обществе и рецептов «правильного» образа жизни.

В современном социокультурном пространстве сосуществует целый ряд религий и отдельных направлений, которые по отдельным своим установкам и ценностям могут быть ближе или дальше от секулярного общества, находить с ним общие точки или дистанцироваться. То, насколько установки и ценности близки общим ценностям и правилам данного социума, определяет социокультурное положение религиозной конфессии.

2. Материалы и методы

В нашем исследовании мы поставили целью выявить наличие связей преобладающих мотивационных типов с буддистской доктриной и ключевыми особенностями социокультурного положения современных российских буддистов. Мотивация формируется в том числе под влиянием значимых других, и влияние религиозной конфессии – частный случай этого правила. В данной

работе мы сосредоточились на изучении мотивации российских буддистов школы Карма Кагью, связанной с конфессиональной жизнью.

Для исследования мотивационного профиля буддистов мы применили опросник И. Стойкович и Дж. Мирича [19]. Он был разработан для теистических религий, и при этом он конфессионально-нейтрален. Инструментарий был модифицирован нами для исследования буддистов – ряд религиозных терминов из опросника нами был заменен на релевантные понятия из буддистского учения. Также мы дополнили опросник пятибалльной шкалой Лайкерта, а затем пересчитали результаты в стенах для удобства восприятия данных.

В исследовании приняли участие буддисты школы Карма Кагью в количестве 90 человек в возрасте от 23 до 60 лет (средний возраст 40 лет, медиана – 39), среди которых женщин 45 и мужчин 45. Все участники исследования принадлежат к сообществу буддистов, посещают буддистский центр и выполняют практики от полугода до 25 лет (среднее по выборке 9,8 лет, медиана 7 лет). Участники исследования имеют высокую степень погружения в буддизм: регулярно выполняют буддистские практики (медитируют не реже 1 раза в неделю), посещают буддистский центр не реже 1 раза в месяц.

3. Результаты исследования

По шкале «Религия как высшая ценность» (РВЦ) респонденты набрали средневысокие баллы (среднее 7,28 стен, медиана 7,14 стен) при относительно низкой дисперсии (1,89). Минимальный балл по шкале составил 5 стен. Результат показывает, что при относительно большой гомогенности группы, все буддисты имеют высокую внутреннюю мотивацию в духовной жизни.

Основные статистические показатели по результатам теста И. Стойкович и Дж. Мирич (в стенах)

	РВЦ	СО	ИЖ	Т	ЭИМ
Среднее	7,28	1,40	3,86	2,35	6,87
Медиана	7,14	1,25	3,75	2,50	6,79
Дисперсия	1,89	1,40	5,90	3,44	2,99

По шкале «Стремление соответствовать социальным ожиданиям относительно религии» (СО) баллы оказались низкими (среднее 1,40 стен, медиана 1,25 стен), что в сырых баллах соответствует резким отрицательным ответам на вопрос по шкале Лайкера. При этом дисперсия оказалась также низкой (1,4), что говорит о склонности группы давать сходные ответы на данный вопрос. Низкие баллы по шкале говорят об отсутствии стремления соответствовать в плане своей религиозной принадлежности ожиданиям окружающих, а

также некотором противостоянии доминирующей культуре, что дополнительно подтверждает результат, полученный по шкале «Традиции».

В измерении «Религии как средства исполнения желаний» (ИЖ) мы получили относительно низкие баллы (среднее 3,86 стен, медиана 3,75 стен) при средней дисперсии (5,9). Буддисты не склонны рассматривать буддизм как средство достижения каких-либо благ, у них нет ожиданий того, что при «правильной» буддистской жизни за нею последует какая-либо кармическая награда. Само слово «желание» имеет в буддизме отрицательную коннотацию, так как желания, согласно доктрине, есть источник страданий.

По шкале «Религия как часть традиции» (Т) буддисты набрали низкие баллы (среднее 2,35 стен, медиана 2,50 стен) при низко-средней дисперсии (3,44). Результат говорит о том, что при некотором разбросе индивидуальных отличий последователи в целом не склонны связывать буддизм с национальной или семейной традицией. В исследовании И. Стойкович и Дж. Мирича христианских и мусульманских конфессий этот фактор оказался позитивно связанным с внутренней мотивацией, то есть данные религии воспринимаются последователями как традиционные [19]. В нашем исследовании представителей Общества сознания Кришны респонденты набрали очень низкий балл, соответствующий отрицательным значениям шкалы, то есть адепты часто чувствуют, что находятся в культурно чуждом пространстве [7]. Мы видим, что результаты по этой шкале отличаются у последователей религиозных экспатов. Данная шкала показывает относительное положение конфессии в социокультурном пространстве, отражаемое в самосознании последователей, большую или меньшую связанность ее с культурно-историческим наследием.

Понимание религии в качестве «источника эмоционального благополучия, идеалов и морали» (ЭИМ) получило у буддистов средне-высокие баллы (среднее 6,87 стен, медиана 6,79 стен) при низкой дисперсии (2,99). Буддизм рассматривается респондентами как источник спокойствия, что соответствует буддийским поучениям. Обретение душевного спокойствия здесь и сейчас является одной из главных целей буддистских практик. Эксперты отмечают, что буддизм набирает популярность в современном мире благодаря своей «психотехничности»: он предлагает практические средства достижения душевного равновесия [4].

Исследователи находят гендерные отличия в проявлениях религиозности. Так, женщинам свойственна более выраженная потребность в духовном и глубина переживаний, мужчинам – стремление к философскому осмыслению и ориентация на социальное [1]. Подобные различия явно проявляются в исследовании при помощи данной методики. В нашем предыдущем исследовании мы наблюдали значимые гендерные различия у испытуемых из Общества

сознания Кришны по ряду шкал: у мужчин представления о религии как средстве исполнения желаний явно выше, чем у женщин, а женщины чаще отмечают, что религия является источником морали и нравственности [7].

Однако у буддистов по всем шкалам методики не было обнаружено статистически значимых отличий между ответами мужчин и женщин (сравнение производилось по методу Т-критерия Стьюдента для двух независимых выборок). Результат позитивно соотносится с декларируемым буддистами тезисом о том, что в буддизме мужчины и женщины равны, и их духовный путь во многом похож. Это утверждение довольно оригинально, если сопоставлять буддистские установки относительно религиозной жизни с таковыми у ряда конфессий (например, православных христиан, мусульман и вайшнавов), где роли мужчины и женщины довольно сильно различаются.

4. Обсуждение и заключение

Исследование мотивации буддистов выявило ряд конфессионально-обусловленных отличительных черт: высокую степень внутренней мотивации последователей, отсутствие ожидания социального одобрения, отсутствие ожидания награды за исполнение буддистских практик, отсутствие в восприятии буддизма связи с семейной или национальной традицией, высокую степень связанности в сознании респондентов буддизма с душевным спокойствием.

Данные подтвердили, что у буддистов преобладающие типы мотивации связаны с буддистской доктриной: восприятие буддизма респондентами связано с душевным спокойствием, к которому призывают стремиться учителя буддизма. Буддисты имеют сильную внутреннюю мотивацию к учению, что соответствует установке на принятие прибежища в сокровищах буддизма, то есть буддизм предлагает ставить буддистское учение выше других ценностей. В целом в исследованиях религии высокая внутренняя мотивация соответствует сильной вовлеченности в духовно-религиозную жизнь. Отсутствие в восприятии буддизма связи с семейной или национальной традицией происходит из особенностей социокультурного контекста: буддизм на территории европейской части России является религией-экспатом, буддисты – новообращенные последователи в первом поколении, и преемственности они не ощущают, что также показали данные исследования.

В целом, наше исследование может служить цели создания комплексного социально-психологического портрета современного российского буддиста, дополнить данные о специфике религиозной мотивации и представлять ценность для дальнейших сравнительных исследований религии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гусева Е.С. Гендерные аспекты индивидуальной религиозности // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2014. Т. 16. № 2-2. С. 329–332.
2. Леонтьева Е.В. Путеводитель по буддизму: мировоззрение, история, современность, Россия, символы: иллюстрированная энциклопедия. Москва: Эксмо, 2012. 253 с.
3. Монгуш М.В. Традиционный и западный буддизм в современной России: опыт сравнительного анализа // Новые исследования Тувы. 2016. № 1 (29). С. 5–19.
4. Уланов М.С. О причинах распространения буддизма на западе в эпоху глобализации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2008. № 2. С. 68–72.
5. Шатравский С.И. К проблеме классификации общин буддистов-конвертитов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 2 (144). С. 141–164.
6. Эпштейн А.Д. Секуляризация и ее пределы: самосознание и свобода совести в эпоху конфликта цивилизаций // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2015. № 2. С. 88–109.
7. Ясин М.И. Внутренняя религиозная мотивация у вайшнавов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17. № 1. С. 100–103.
8. Ясин М.И. Современные направления исследований в психологии религии // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2016. Т. 22. № 2. С. 76–79.
9. Allport G.W. The Individual and His Religion. New York: McMillan, 1950. 147 p.
10. Assor A., Roth G., Deci, E.L. The emotional costs of perceived parental conditional regard: A self-determined theory analysis // Journal of Personality. 2004. Vol. 72. Pp. 48–89.
11. Batson C.D., Raynor-Prince L. Religious Orientation and Complexity of Thought About Existential Concern // Journal for the Scientific Study of Religion. 1983. Vol. 22. Pp. 38–50.
12. Deci E.L., Ryan R.M. The “What” and “Why” of Goal Pursuits: Human Needs and the Self-Determination of Behavior // Psychological Inquiry. 2000. Vol. 11. Pp. 227–268.
13. Hood R.W., Jr, Spilka B., Hunsberger B., Gorsuch R. The Psychology of Religion: An empirical approach. New York: Guilford Press. 1996. 636 p.
14. Martos T., Kezdy A., Horvath-Szabo K. Religious Motivations for Everyday Goals: Their Religious Context and Potential Consequences // Motivation and Emotion. 2011. Vol. 35. Pp. 75–88.
15. Neyrinck B., Vansteenkiste M., Lens W., Soenens B. Updating Allport’s and Batson’s Framework of Religious Orientations: A Reevaluation from the Perspective of Self-Determination Theory and Wulff’s Social Cognitive Model // Journal for the Scientific Study of Religion. 2010. Vol. 49(3). Pp. 425–438.

16. O'Connor B.P., Vallerand R.J. Religious motivation in the elderly: A French-Canadian replication and an extension // *Journal of Social Psychology*. 1990. Vol. 130. Pp. 53–59.
17. Ryan R.M., Deci E.L. On happiness and human potentials: A review of research on hedonic and eudaimonic well-being // *Annual Review Psychology*. 2001. Vol. 52. P. 141–166.
18. Ryan R.M., Rigby S., King K. Two types of religious internalization and their relations to religious orientations and mental health // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1993. Vol. 65. Pp. 586–596.
19. Stojković I., Mirić J. Construction of a Religious Motivation Questionnaire. *Psihologija*. 2012. Vol. 45. No. 2. Pp. 155–170.
20. Vieten C., Pilato R., Pargament K., Scammell S., Ammondson I., Lukoff D. Spiritual and Religious Competencies for Psychologists // *Psychology of Religion and Spirituality* 2013, Vol. 5. No. 3. Pp. 129–144.

Поступила в редакцию 23.06.2018
В окончательном варианте 21.09.2018

UDC 159.9

CONFESSIONALLY-CAUSED FEATURES OF MOTIVATION IN THE BUDDHISTS KARMA KAGYU SCHOOL

M.I. Yasin¹

¹Plekhanov Russian University of Economics
36, Stremyanny lane, Moscow, Russia, 117997
E-mail: nadsaw@yandex.ru

ABSTRACT

The article focuses on the features of the Russian Buddhists' motivation in the framework of the Karma Kagyu traditions, determined by the method of Stojković I. and Mirić J. Karma Kagyu Buddhism is a traditional school of Tibetan Buddhism, which is quite popular in modern Russia. 90 Buddhists participated in our study. The results obtained indicate that Buddhists have a high internal motivation for practicing and studying doctrine, they have no desire to meet the expectations of others in terms of their religious grounds. They do not expect a reward for the "right" Buddhist life. In their minds, Buddhism is not connected with the traditions of the family and society. The practice of Buddhism for its supporters is a source of emotional well-being, ideals and morality.

Key words: psychology of religion, religious motivation, orientation of motivation, Buddhism

¹ Miroslav I. Yasin, Cand. Soc. Sci., Associate Professor of Psychology Department

REFERENCES

1. *Guseva E.S.* Gendernye aspekty individualnoj religioznosti [Gender aspects of individual religiosity] // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Socialnye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki* [Izvestiya of the Samara Russian Academy of Sciences scientific center. Social, humanitarian, medicobiological sciences]. 2014. Vol. 16. No 2-2. Pp. 329–332
2. *Leonteva E.V.* Putevoditel po buddizmu: mirovozzrenie, istoriya, sovremennost, Rossiya, simvol: illyustrirovannaya ehnciklopediya [Guide to Buddhism: worldview, history, modernity, Russia, symbols: illustrated encyclopedia]. Moskva: EHksmo, 2012. 253 p.
3. *Mongush M.V.* Tradicionnyj i zapadnyj buddizm v sovremennoj Rossii: opyt sravnitel'nogo analiza [Traditional and Western Buddhism in modern Russia: experience of comparative analysis]. *Novye issledovaniya Tuvy* [The new research of Tuva], 2016. Vol. 1. No. 29. Pp. 5–19.
4. *Ulanov M.S.* O prichinah rasprostraneniya buddizma na zapade v ehpohe globalizacii [On the reasons for the spread of Buddhism in the West in the era of globalization] // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sociologiya i social'nye tekhnologii* [The Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies]. 2008. Vol. 2. Pp. 68–72.
5. *Shatravskij S.I.* K probleme klassifikacii obshchin buddistov-konvertitov [To the problem of classification of communities of Buddhists-Converters]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i social'nye peremeny* [Public opinion monitoring: economic and social changes]. 2018. Vol. 2. No. 144. Pp. 141–164.
6. *Epshtejn A.D.* Sekulyarizatsiya i ee predely: samosoznanie i svoboda sovesti v ehpohe konflikta civilizacij [Secularization and its limits: self-awareness and freedom of conscience in the era of the conflict of civilizations] // *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly* [Locus: people, society, cultures, meanings]. 2015. Vol. 2. Pp. 88–109.
7. *Yasin M.I.* Vnutrennyaya religioznaya motivatsiya u vajshnavov [Internal religious motivation of Vaishnavs] // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika* [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy]. 2017. Vol. 17. No. 1. Pp. 100–103.
8. *Yasin M.I.* Sovremennye napravleniya issledovanij v psihologii religii [Modern trends of research in the psychology of religion] // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psihologiya. Sociokinetika* [Vestnik of Kostroma State University series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics]. 2016. Vol. 22. No. 2. Pp. 76–79.
9. *Allport G.W.* The Individual and His Religion. New York: McMillan, 1950, 147 p.
10. *Assor A., Roth G., Deci, E. L.* The Emotional Costs of Perceived Parental Conditional Regard: A self-determined theory analysis // *Journal of Personality*. 2004. vol. 72. Pp. 48–89.

11. *Batson C. D., Raynor-Prince L.* Religious Orientation and Complexity of Thought About Existential Concern. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 1983, vol. 22, 38-50 pp.
12. *Deci E.L., Ryan R.M.* The “What” and “Why” of Goal Pursuits: Human Needs and the Self-Determination of Behavior // *Psychological Inquiry*. 2000. Vol. 11. Pp. 227–268
13. *Hood R.W., Jr. Spilka B., Hunsberger B., Gorsuch R.* The Psychology of Religion: An Empirical Approach. New York: Guilford Press, 1996. 636 p.
14. *Martos T., Kezdy A., Horvath-Szabo K.* Religious Motivations for Everyday Goals: Their Religious Context and Potential Consequences // *Motivation and Emotion*. 2011. Vol. 35. Pp. 75–88.
15. *Neyrinck B., Vansteenkiste M., Lens W., Soenens B.* Updating Allport’s and Batson’s Framework of Religious Orientations: A Reevaluation from the Perspective of Self-Determination Theory and Wulff’s Social Cognitive Model // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2010. Vol. 49. No. 3. Pp. 425–438.
16. *O’Connor B.P., Vallerand R.J.* Religious Motivation in the Elderly: A French-Canadian Replication and an Extension // *Journal of Social Psychology*. 1990. Vol. 130. Pp. 53–59.
17. *Ryan R.M., Deci E.L.* On Happiness and Human Potentials: A Review of Research on Hedonic and Eudaimonic Well-Being // *Annual Review Psychology*, 2001, vol. 52, 141–166 pp.
18. *Ryan R. M., Rigby S., King, K.* Two Types of Religious Internalization and Their Relations to Religious Orientations and Mental Health // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1993. Vol. 65. Pp. 586–596.
19. *Stojković I., Mirić J.* Construction of a Religious Motivation Questionnaire // *Psychologija*, 2012. Vol. 45. No. 2. Pp. 155–170.
20. *Vieten C., Pilato R., Pargament K., Scammell S., Ammondson I., Lukoff D.* Spiritual and Religious Competencies for Psychologists // *Psychology of Religion and Spirituality*. 2013. Vol. 5. No. 3. Pp. 129–144.

Original article submitted 23.06.2018

Revision submitted 21.09.2018